

## ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ПЛЕТНЕВОЙ

### Прощальные слова

О старой, как мир, привычке судить о человеке не по его делам, а по тому, что он собой представляет, писал Джон Голсуорси. О делах Светланы Александровны Плетневой написано уже немало, напишут еще больше. Но вот о живой С.А., не авторе статей и монографий, а о человеке, знают меньше (и не многие). Хочу вспомнить далекие 50-е годы прошлого столетия, когда я познакомилась с ней на Таманском полуострове, в экспедиции Б.А. Рыбакова. Лучший портрет Светланы, сделанный фотографом-художником Ю.С. Панютиным, вполне отражает ее облик и настроения. Сидит на камнях городища веселая, сильная женщина с широкой белозубой улыбкой, сидит в сознании своей силы, которая, как оказалось, была не малой.



Один ее ученик, разглядывая эту картину через 50 лет, уже в новом веке, скажет мечтательно: «Вот в такую девчонку я бы влюбился». И, правда, в нее были тогда влюблены и стар и млад, и ребята и девушки. Энергия, исходившая от нее, и неукротимая жажда деятельности восхищали, пугали, заражали. Расскажу один характерный эпизод экспедиционной жизни 1953 года. Переправились мы через пролив, и день ушел на обустройство в помещении школы, которое нам было отведено. Вечерело, изнурительная таманская жара утихала и все, утомленные, расходились по местам. Завтра – первый рабочий день. А где лопаты? Они свалены в закутке, все вместе, и штыковые, и гробарки в кучу, кое-как, вперемежку с совками, кисточками и рейками. «Когда

же мы завтра начнем? – воскликнула Светлана (воскликнула в пустоту: все ушли). – Надо разобрать». Измученный долгим днем Б.А., беспрестанно вытиравший пот со лба, ответил слабым голосом: «Ну, надо разобрать,» – и ушел в дом, который он снимал с начала работы Таманской экспедиции в 1952 году. «Надо» – ключевое слово всей жизни, было произнесено. И началось... Помню только мощные взмахи рук С.А., сортирующей наш нехитрый инвентарь, его было много. Тогда слово «трудоголик» еще не было в ходу, но что-то о коне, которого «на ходу остановит» и о «горящей избе» вертелось в моей голове. Кончили мы, когда стемнело. Отчетливо помню свою последнюю мысль: «надо быть подальше от этой богатырши». Не получилось...

Я скоро скисла, хотя не была избалованной московской девочкой, физического труда не боялась; в эвакуации во время войны работала в колхозе в Берске, под Новосибирском.. Не знаю, как она расценила мои усилия, зато знаю, как отнеслась С.А. к Б.А. Рыбакову: в письме маме написала: «очень пожилой человек», а было ему 45 лет...

Если бы я была постарше, я бы поняла, что «надо» будет повторяться в ее жизни постоянно. Это короткое слово будет составлять зерно ее жизни, играть роль приказа, оно раскрывает нравственные основы стиля ее жизни. И еще, что она не будет здраво соразмерять сил своих коллег со своими, богатырскими. Силу своего темперамента С.А. продемонстрировала как-то за завтраком все в том же школьном дворе. Заместителем Б.А. был Аркадий Васильевич Никитин, старый сотрудник Института, кандидат наук. Он не любил утруждать себя хозяйственными заботами, да и археологическими тоже. Он отдал мне, только кончившей МГУ, самый важный стратегический раскоп. Так ему вольнее было жить и отдыхать, бродя под городищем, вдоль кромки моря и нежным тенорком распевать любимые романсы. Все посмеивались над ним, С.А. молча терпела. Однажды на завтрак нам подали манную кашу с подсолнечным маслом, хотя сливочного мы с С.А. натопили еще в Москве достаточно. В полном молчании все склонились над своими мисками. И вдруг одна из мисок поехала по слегка наклонной поверхности стола прямо к миске Аркадия Васильевича. По счастью, тут она и задержалась. «Хорош был бы наш певец, облитый манной кашей», – не сдержалась С.А. Ее гневная тирада: «Это что такое...», – прозвучала при молчании притихшей аудитории. Больше нам такого завтрака не подавали.

Не все сотрудники экспедиции понимали тогда, в 1952 году, что невольно становились свидетелями драматического процесса возникновения нового направления в археологии – хазароведения. Во главе этого направления стоял М.И. Артамонов. В его экспедицию, с 1949 года работающую в Саркеле, попавшем в зону затопления Цимлянского водохранилища, С.А. попала почти случайно, и, главное, по рекомендации самого Б.А. Саркел очаровал ее. Ленинградцы белобрысую длинную девчонку прозвали «аспирант» и

приняли вместе с Кухаренко за свою. В 1951 году был последний год раскопок. В газете «Правда» появилась статья никому неизвестного П. Иванова «Об одной ошибочной концепции». Проблема приобретала политическую окраску. В этой связи вопрос о том, кто жил в Тмутараканском княжестве, был узловым. На него могла ответить только керамика. Теперь, полвека спустя, разница между салтовской и славянской керамикой очевидна даже первокурснику. Тогда же мы были свидетелями ожесточенных споров Б.А. с С.А., вызывавших у студентов то почтительный ужас, то смех. С.А. без труда отличала салтовскую IX в. керамику от славянской XI-XII вв. – опыт Саркела не прошел даром. Б.А. в этом вопросе «плавал» и все мечтал найти славянский горшок. «Это не славянский?!» – гремел Б.А., трясая перед С.А. стенку с рифлением и волной. «Нет, – упрямо и твердо отвечала С.А., – это Салтово». Желанный славянский слой невозможно было отыскать и в профилях: мудро было ему сохраниться после работ времени Суворова, снявших славянские слои. Тмутаракань не нашли. В песне, сочиненной нашими талантливыми мальчиками, подведен итог наших трудов. Только к 4-му году очень тяжелых работ на Таманском городище были открыты остатки фундаментов храма Богородицы, уходящие в позднеантичные слои.

«Таланты» разбежались с отъездом Б.А., и мы с С.А. остались снимать план уже без участия Рыбакова. Делала она это великолепно, как все чертежные работы. Почти все свои работы она иллюстрировала сама: и сложные тонкие прорисовки вещей, и чертежи, и любимые карты. Но это все было впереди.

Хазарская проблема связала С.А. с Ленинградом и М.И. Артамоновым надолго, на всю жизнь. Она привязалась к опальному Артамонову со всей силой своего характера. А в Москве – к делающему беспрепятственно карьеру Рыбакову. Многие ставили ей в упрек умение сочетать эти привязанности двух столь противоположных ученых. Но с Б.А. ее связывало ключевое слово «надо», заставлявшее соглашаться братья за любую порученную им работу. И, конечно, человеческая привязанность к своему учителю. Так уж ей повезло, близко знать двух крупных ученых, быть нужной обоим. Умение быть верной людям, сделавшим ей много доброго, было ей свойственно с «молодых ногтей». Она всю жизнь любила свою учительницу истории и, встретившись с ней через 35 лет, она, уже очень старенькая женщина, узнала свою Светлану, что-то главное в ее характере сохранилось. Никогда она не могла забыть свою подругу по Саркелу, Наташу Мельникову, которая спасла ей жизнь. Светлана, не рассчитав свои силы, бросилась переплывать Дон и поняла, что тонет. Наташа сумела перевернуть ее на спину и, подталкивая, дотянула до берега. Через многие годы они встретились в троллейбусе в Ленинграде. «Аспирант!» – раскатилось радостно и заставило всех улыбаться, глядя на двух пожилых солидных женщин, замерших в объятиях друг друга. И последним ее разговором по телефону перед самым концом был разговор с живущей в Америке, в Бостоне Наташей.

Было что-то детское в ее отношении к людям, или привязанность, или полное неприятие. «Мне жаль, что я не умею прощать», – напишет она в дневнике. Горечь разочарования в людях росла в ней и мучили ее. Тем более, что она постоянно работала для людей. 25 учеников под ее руководством написали диссертации. Не все оказались благодарными. Такова уж участь педагога, которым она родилась. Это еще одна грань ее богатой натуры. Талант педагога – от матери Р.А. Костылевой, сельской учительницы.

Она была честолюбива, с детства мечтала стать ученым и профессором, как ее отец, Александр Валерианович Плетнев, биолог, ученик Н.И. Вавилова. Это было благородное честолюбие, никакими лишениями, болезнями, искушениями личного счастья непобедимое, потому что всегда рассчитывала на свой труд. Ее упорство, трудолюбие в стремлении к однажды намеченной цели, фанатичная вера в науку олицетворяли высшую нравственную силу. Эта порода людей есть и в науке, и в искусстве. Такие люди – люди «подвига, веры и ясно осознанной цели» [А.П. Чехов, М., 1950, т. 11, с. 421].

Не все в этой борьбе проявили добрые качества своей души. И бывшие «друзья» и попутчики оказывались врагами. Эта обычная ситуация усугублялась тем, что стремительное продвижение по карьерной лестнице совершалось женщиной. В России только начинают привыкать к этому. С.А. не считала себя способной к административной должности, и на вопрос Б.А., кем она хочет быть, заместителем директора или зав. Отделом, предпочла последнее. Академик удивился: «Но ведь это же номенклатура!».

*Т.И. Макарова*